

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-66-71
УДК 93:340(045)

Становление и политизация российской преступности на рубеже XIX–XX веков

А.Б. Шатилов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме формирования организованной преступности в дореволюционной России в контексте политических, социально-экономических, морально-нравственных и идеологических трансформаций рубежа XIX – начала XX в. Автор анализирует причины всплеска криминальной активности в этот период, специфику существования воровского мира и его приоритеты, процесс организационного становления криминальных сообществ, их «правила игры» и иерархию. Отдельно исследуется вопрос о взаимодействии «уголовных» и «политических», их тактических и стратегических альянсах, о влиянии атмосферы идеократии на политизацию преступного элемента в последние десятилетия существования Российской империи.

Ключевые слова: преступность; политизация; Российская империя; криминал; воровское сообщество; революционное движение; сепаратизм

Для цитирования: Шатилов А.Б. Становление и политизация российской преступности на рубеже XIX–XX веков. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):66-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-66-71

ORIGINAL PAPER

Formation and Politicisation of Russian Crime at the Turn of the XIX–XX Centuries

A. B. Shatilov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of formation of organised crime in pre-revolutionary Russia in the context of political, socio-economic, moral and ideological transformations of the turn of the XIX – early XX centuries. The author analyses the reasons for the surge of criminal activity in this period, the specifics of the thieves' world and its priorities, the process of organisational formation of criminal communities, their "rules of the game" and hierarchy. The question of the interaction between "criminal" and "political", their tactical and strategic alliances, the influence of the atmosphere of ideocracy on the politicisation of the criminal element in the last decades of the Russian Empire is studied separately.

Keywords: crime; politicisation; Russian Empire; criminal; thieves' community; revolutionary movement; separatism

For Citation: Shatilov A. B. Formation and politicisation of Russian crime at the turn of the XIX–XX centuries. *Humanitarian sciences.* 2023;13(3):66-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-66-71

Невзирая на то, что криминальные сообщества, банды, ватаги и шайки в Российской империи существовали издавна, тем не менее, именно на рубеже XIX–XX вв. произошло становление организованной преступности. Более того, под влиянием внутренних и внешних обстоятельств происходит ее политизация и, в некоторых случаях, сращивание с политическими организациями, преимущественно протестного и оппозиционного толка.

Что же привело к такому подъему криминалитета на излете царской России? На данный процесс повлиял целый ряд факторов.

Во-первых, как ни парадоксально, существенно повлияло освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 г. Как нередко бывает в истории (и не только нашей страны), «прекраснодушные» реформы, задуманные, казалось бы, ради всеобщего благополучия, в итоге либо проваливаются, либо приводят

к неоднозначным результатам, либо дают серьезные побочные эффекты. Так было и с преобразованиями Александра II, большинство из которых оказались импульсивными и во многом способствовали раскачке и так пребывавшей в кризисном состоянии политической системы. В том числе это касается и вопросов оргпреступности. Освобождение крестьян сопровождалось, с одной стороны, существенным кризисом принципов общинности в российской деревне, с другой — мировоззренческими, социальными и культурными деформациями. В частности, «Великая реформа» (как ее было принято тогда называть) привела к значительным миграционным сдвигам — сельская молодежь в массовом порядке подалась в города. Однако далеко не всем удалось «покорить» город и успешно натурализоваться там. Очень многие, не найдя достойной работы и заработка, уходят в криминал и пополняют ряды преступности [1]. Более того, в некоторых случаях в городах возникают шайки, сформированные по принципу землячества.

Во-вторых, конец XIX — начало XX в. ознаменовались бурным развитием капиталистических отношений и урбанизацией. Все это создавало условия для роста материалистических настроений и погони за наживой. Соответственно, в российском обществе тех лет возникает культ богатства, благосостояния и материальных ценностей. Параллельно под влиянием такого рода тенденций идет постепенное разрушение традиционного патриархального уклада российского «общества», пересмотр его ценностных приоритетов и «обмирщение» жизни. Религиозные принципы, ранее во многом сдерживавшие криминальные инстинкты, перестают работать, все большее число подданных Империи задаются вопросом: «Тварь ли я дрожащая или право имею?». Все это также ведет к расширению преступного мира и даже к выработке им своей жизненной «философии», созвучной раннекапиталистическим трендам политического и социально-экономического развития.

В-третьих, в большинстве стран мира, в том числе в России, сохраняется колоссальный уровень социального расслоения и неравномерности распределения благ, ресурсов и возможностей. «Низы» являются практически бесправными и социально уязвимыми. Весьма

узок «привилегированный круг», социальные лифты и лестницы практически отсутствуют или только начинают выстраиваться. Все это также провоцирует криминальные настроения в народе, тем более что идеи «правды» и «справедливости» традиционно являются «визитной карточкой» русской политической культуры [2]. Поэтому в некоторых случаях преступники этого периода мотивировали свою незаконную деятельность либо стремлением к равенству, либо невозможностью по-иному добиться успеха в жизни. Иногда появлялись банды, главари которых играли в «робин гудов», оказывая дозированную помощь простолюдинам и добиваясь тем самым у них популярности и содействия в рамках круговой поруки [3].

В-четвертых, начиная со второй половины XIX столетия в России неуклонно растет протестная активность. Несмотря на то что ее публичное выражение было неравномерным (сопровождалось «взлетами» и «падениями»), нерешенность базовых социальных вопросов вкупе с прямой или косвенной подрывной антигосударственной деятельностью внешних сил и собственной элиты (интеллигенции, бюрократии, части дворянства и купечества) усиливали нестабильность и ослабляли державные устои. При этом и власть (особенно при Александре II и Николае II) была весьма непоследовательна в своей политике, не обладала стратегическим видением ситуации и не могла адекватно реагировать на вызовы эпохи. Соответственно, протестные настроения в российском обществе находили выражение либо в политической оппозиции (в диапазоне от сторонников «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова, кадетов и октябристов до нигилистов, народников, эсеров и большевиков), либо в криминальной деятельности. Более того, расширению преступности способствует либерализация законодательства (с середины XIX в. смертная казнь за уголовные преступления не применяется), а также проникновение принципов гуманизма в общественную среду. Последнее приводило к тому, что суды присяжных зачастую оправдывали или смягчали наказание закоренелым преступникам, рассматривая их как «жертву социальных обстоятельств», например, знаменитой С. И. Блювштейн (Сонька Золотая Ручка).

В-пятых, определенное влияние на формирование и распространение организован-

ной преступности в этот период имел научно-технический прогресс. С одной стороны, рубеж веков получил в научной литературе определения «эпохи толп» и «восстания масс», поскольку в социально-политической жизни тогда были весьма популярны коллективистские и лидерские тенденции, так что выстраивание достаточно многочисленных, структурированных и иерархических преступных сообществ не было удивительным. С другой стороны, достижения НТР расширяли диапазон, специализацию и даже инновационность криминальной деятельности. В начале XX в., например, появляются первые случаи использования уголовниками для своих нужд автомобилей и аэропланов. Справедливости ради нужно отметить, что параллельно растут возможности и уголовного сыска, который также взял на вооружение многие достижения науки того времени (дактилоскопия, баллистика, токсикология и пр.).

Помимо роста числа преступлений и консолидации преступности, можно отметить ряд важных обстоятельств, влиявших на криминальную конъюнктуру в России на рубеже XIX–XX вв.

В первую очередь это специализация представителей воровского мира. Они постепенно переходят от преступлений «широкого профиля» к целенаправленной работе на отдельных направлениях. Так возникают и оттачиваются воровские специализации («торбовщики», «городушники», «клюквенники», «стекольщики», «банщики», «мойщики», «марвихеры», «хипесники», «медвежатники», «шниферы», «фармазонщики» и пр.). При этом самыми неуважаемыми воровскими «кастами» оказываются «мокрушники» и «конокрады». И если «душегубство» (особенно «необязательное») осуждалось в силу непреодоленности религиозного начала («не убий»), то конокрадство — в силу социальной принадлежности большинства воров и бандитов к крестьянскому сословию. Кроме того, вокруг воровских сообществ и «малин» формируется «вспомогательная среда» в лице нищих, старьевщиков, проституток, торговцев краденным, бродяг, офеней и другого околоскриминального элемента, который оказывал различного рода услуги «фартовым» в диапазоне от сбыта добычи до второстепенного участия в кражах и грабежах.

Одновременно в начале XX в. выстраивается внутренняя бандитская иерархия. Появляются «Иваны», «Машки», «есаулы» и прочие криминальные статусы и звания. На каторге была своя иерархия — «Иваны», «храпы», «жиганы», «игроки» и «шпанка». Известный русский журналист и писатель того времени Влас Дорошевич писал: ««Иваны» представляли из себя нечто вроде «рыцарского ордена». «Иван» был «человеком слова». Сказал — значит, будет. Сказал убьет, — убьет...» [4]. Более того, были и отдельные «топовые» лидеры преступного мира, которых называли «Иванами Ивановичами» и которые вели практически конспиративное существование.

Наряду с организационным оформлением преступной деятельности, начало XX столетия становится временем завершения создания «блатной музыки», криминального арго («фени»), служащего для определения «своих-чужих», а также для безопасного общения в кругу непосвященных. Также имела место стигматизация профессиональных преступников через «портки» (татуировки), которые представляли собой своего рода символическое досье на их обладателей. Кроме того, невзирая на то, что дореволюционные уголовники стремились по возможности дистанцироваться от «политических», в определенной степени политизация коснулась и их. В частности, в воровской среде постепенно возникает идея «криминальной автономии» и своей «альтернативности» государству, которая впоследствии, уже в советский период, оформится в особый воровской кодекс («понятия»).

Также «визитной карточкой» рубежа XIX–XX вв. становится «всесословность» криминальной деятельности, вовлечение в нее представителей привилегированных классов и социальных групп. Были среди «благородных преступников» и свои знаковые персоны. Так, например, в 1870-х гг. было раскрыто уголовное сообщество «Клуб червонных валетов», которое промышляло крупным мошенничеством (например, одному из «валетов», П. Шпейеру, даже удалось «продать» знакомому англичанину дом московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова [5]) и фальшивомонетничеством. В итоге по делу «Клуба» под суд были отданы 45 человек, из которых 27 относились к дворянскому сословию. Еще более громкую криминальную славу

снискал знаменитый авантюрист конца XIX — начала XX в. «корнет Савин», дворянин Николай Герасимович Савин, уволенный в 1874 г. с гвардейской службы за кражу бриллиантов из оклада иконы великой княгини Александры Иосифовны. После этого он стал авантюристом международного масштаба, действовал как в Европе, так и в Америке. Самыми громкими его делами стала чуть было не удавшаяся попытка под гарантии привлечения финансирования стать князем (фактически главой) Болгарии, а также афера в США, где, представившись графом де Тулуз Лотреком, он собрал с американских промышленников крупную сумму за право стать главным инвестором строительства Транссибирской магистрали¹. Были и другие «криминальные таланты» высокого уровня — генеральша Ольга фон Штейн, депутат II Государственной думы от Тверской губернии Алексей Кузнецов, процветающий петербургский ювелир Мовша Шиф и пр.

Преступность в начале XX в. настолько выросла и окрепла, что создала свои особые зоны и криминальные анклавные территории практически во всех крупных городах Российской империи. Так, в столице недоброй славой пользовались районы Вяземской лавры и Лиговки. В Москве существовала Хитровка — настоящий криминальный «заповедник», который удалось ликвидировать лишь в 1920-е гг. при помощи войск ОГПУ, также проблемными являлись районы Марьиной Рощи и Трубной площади. Были свои неблагополучные территории и в других центрах — Одессе, Киеве, Ростове-на-Дону, Варшаве, Тифлисе и пр. Иногда в криминальных деяниях было задействовано население целых населенных пунктов, например жители-староверы подмосковного села Гуслицы. Вот как их характеризовал в своем очерке В. А. Гиляровский: «Жители многих гуслицких деревень, привыкшие жить без работы, — мастера пускаться на всевозможные аферы: от делания фальшивых денег до воровства включительно. После первого беззаконного, но сильно развитого промысла, второе место занимает хождение с “викторками” и “малашками”... “Викторкой” называется фальшивое свидетельство, выданное будто бы от волостного правления, на сбор подаяния по городам и селам,

в пользу погоревших или пострадавших от голода и неурожая... Главными жертвователями бывают богатые раскольники... “Малашками” называются написанные на настоящих бланках фальшивые паспорта на чужие имена, но с приметам лица, которому даются. Аферисты запасаются каждый пять-шестью “малашками”, являются в город, нанимаются в услужение и при удобном случае жестоко обкрадывают хозяина» [6].

Как уже говорилось выше, уголовный мир Российской империи стремился дистанцироваться от взаимодействия с оппозиционными политическими силами. Во-первых, «фартовые» не доверяли революционерам, справедливо считая, что для последних они являются расходным материалом и временными попутчиками. Во-вторых, принципы воровского мира были ориентированы на достижение внутренней автаркии и игнорирование любой связи с государством и обществом. В-третьих, главари бандитских сообществ не видели для себя особой пользы от сотрудничества с «политическими», полагая, что в этом случае они столкнутся с мощным давлением всего государственного аппарата империи. Более того, в России того времени лишь политические преступления карались смертной казнью, тогда как уголовникам это наказание не грозило ни в каком случае, даже при совершении кровавых и зверских деяний.

Однако деградация политической системы Российской империи вкупе с ростом общественного недовольства периодически приводили к тактическим союзам революционеров с бандитами. Чаще всего такого рода контакты касались совместных акций по экспроприациям, контрабанды оружия и нелегальной литературы, изготовления фальшивых документов, незаконного пересечения границы и т. п. Кроме того, деятельность радикальных оппозиционеров играла на руку преступному миру. Так, например, события 1905–1907 гг. заставили власть практически отказаться от борьбы с уголовниками и переключить свое внимание на противодействие «пламенным революционерам». Явно на руку оргпреступности играл и персональный террор, развязанный в начале XX в. эсерами и другими радикальными партиями в отношении «силовиков»: только в период октября 1905 — апреля 1906 г. погибли около 700 служащих МВД,

¹ URL: <https://kulturologia.ru/blogs/260717/35412/>

в основном полицейские и городовые². Как справедливо отмечает в своей диссертации С. А. Бушуева: «Революция наглядно показала, что ослабление государства, бессилие власти создают максимально благоприятные условия для криминальной активности, причем как уголовников, так и революционеров. К примеру, в Москве за 1905–1908 гг. количество зарегистрированных преступников увеличилось почти в два раза (с 85 184 чел. в 1905 г. до 169 575 чел. в 1908 г.). Сила криминальной инерции была столь велика, что подавление революции и вхождение страны в полосу политической реакции не смогли остановить рост уголовной преступности. В 1908–1913 гг. число дел в общих судах (работавших по наиболее серьезным преступлениям) увеличилось на 18%, в мировых судах — на 28%, в уездных — на 31%, в городских — на 29%. В среднем по стране здесь ежегодно рассматривалось около 2,5 млн дел» [7].

Кстати, в начале XX в. появляются первые примеры политизации «уголовных» и их перехода от криминальной к революционной деятельности. В этом плане примечателен пример разбойника-революционера А. М. Лбова, развернувшего в Пермской губернии в 1906–1908 гг. настоящую партизанскую войну против местных властей.

В некоторых регионах Российской империи наблюдалось сращивание уголовной преступности с сепаратистским движением. Особенно это касалось Царства Польского и Финляндии, где местный криминальный мир активно поддерживал движение за независимость,

а местные чиновники из числа «латентных сепаратистов» чинили своим «общероссийским коллегам» препятствия в розыске и выдате преступников, в том числе уголовников. Серьезной проблемой царского режима было и абречество, широко распространенное тогда в Закавказье и на Северном Кавказе. В этом плане можно вспомнить, что знаменитый грузинский поэт Илья Чавчавадзе был убит в 1907 г. в результате нападения грабителей. По некоторым данным, вполне прагматичные контакты с закавказским преступным миром имели лидеры местных большевистских боевиков И. В. Сталин (Коба) и С. А. Тер-Петросян (Камо). На Северном Кавказе в этот период весьма активно действовала банда Зелимхана Гушмазукаева (Зелимхана Харачоевского), которая в 1905–1913 гг. активно противодействовала царской администрации в Чечне и Ингушетии. Примечательно, что абрек З. Гушмазукаев поддерживал контакты с российскими анархистскими группировками и даже иногда пользовался их символикой.

Подводя итог, следует констатировать, что период конца XIX — начала XX в. в Российской империи характеризовался оформлением и подъемом организованной преступности. Это стало следствием общего кризиса политической и социальной системы, а также целого ряда иных объективных и субъективных обстоятельств. Более того, уже тогда наблюдается пересечение интересов уголовного мира с «политическими» и даже определенная политизация воровского мира, которая лишь усилится в связи с революционными событиями 1917 г. и начавшейся затем Гражданской войной.

² URL: <https://dzen.ru/a/XvGNJAU1G3HNwV-5>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богомолов И. К. Город в поздней имперской России. *Труды по русистике*. 2021;(8):109–121.
2. Вилков А. А. Ценность социальной справедливости в политической культуре России. *Межрегиональные Пименовские чтения*. 2010;(7–1):252–259.
3. Кошко А. Ф. Очерки уголовного мира Царской России. М.: Захаров; 2001.
4. Дорошевич В. Каторгa. Преступники. URL: <https://www.livelib.ru/book/93775/read-katorga-prestupniki-vlas-doroshevich/~50>
5. Огороков В. Клуб Червонных Валетов. URL: <https://proza.ru/2021/07/11/204>
6. Бутаков Я. Гуслицы: тайная республика староверов в Подмоскowie. URL: <https://cyrillitsa.ru/narody/91978-guslicy-taynaya-respublika-starovero.html>
7. Бушуева С. А. Борьба с уголовной преступностью в России (1907–1914 гг.). Дисс ... канд. истор. наук. М.: Московский педагогический государственный университет; 2009. 206 с.

REFERENCES

1. Bogomolov I. K. City in Late Imperial Russia. *Trudy po rossievologii = Works on Russian Studies*. 2021;(8):109–121. (In Russ.).
2. Vilkov A. A. The value of social justice in the political culture of Russia. *Mezhregional'nye Pimenovskie chteniya = Interregional Pimenovskie readings*. 2010;(7–1): 252–259. (In Russ.).
3. Koshko A. F. Sketches of the criminal world of Tsarist Russia. Moscow: Zakharov; 2001. (In Russ.).
4. Doroshevich V. Penal servitude. Criminals. URL: <https://www.livelib.ru/book/93775/read-katorga-prestupniki-vlas-doroshevich/~50> (In Russ.).
5. Okorokov V. The Black Jacks Club. URL: <https://proza.ru/2021/07/11/204> (In Russ.).
6. Butakov Ya. Guslitsy: the secret republic of the Old Believers in the Moscow region. URL: <https://cyrillitsa.ru/narody/91978-guslitsy-taynaya-respublika-starovero.html> (In Russ.).
7. Bushuyeva S. A. The struggle against criminality in Russia (1907–1914): Cand. Sci. in History — Synopsis of the thesis. Moscow: Moscow Pedagogical State University; 2009. 206 c. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Борисович Шатилов — кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия; главный научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва, Россия

Aleksandr B. Shatilov — Cand. Sci. (Political sciences), Professor, Dean of the Department of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia; Chief Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>
ashatilov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.04.2023; принята к публикации 15.05.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 20.04.2023; accepted for publication on 15.05.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.